
А. И. КРАВЧЕНКО

ИСТОКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В РОССИИ

Статья посвящена начальному периоду развития отечественной социологии (конец XIX – начало XX в.), когда научная мысль выросла из недр социально и экономически ориентированной публицистики. Основное внимание уделено народнической социологии В. П. Воронцова, влияние которого на формирование экономической социологии в России и понимание специфики экономического строя в нашей стране, если брать исторические перспективы, не получило должного освещения в литературе. К видным представителям индустриальной и экономической социологии следует также отнести Н. П. Павлова-Сильванского и М. Н. Туган-Барановского. В статье также освещаются взаимоотношения социологии и истории, социологии и экономики. Ранний период истории социологии прослежен в связи с более поздними этапами становления социологии в России.

Ключевые слова: история отечественной социологии, русская государственная школа, публицистическая социология, экономическая социология, своеобразие экономического развития России, русский капитализм.

Самый ранний период развития отечественной социологии – вторая половина XIX – начало XX в. – отмечен господством двух направлений: 1) академической социологии, формировавшейся в недрах вузовской науки и ориентированной на позитивистскую методологию; 2) публицистической социологии, отражавшей взгляды широкой общественности (лидеров общественного мнения) преимущественно народнического толка, социально ориентированной журналистики (Кажанов 2014: 17). Второе направление, как ни странно, возникло раньше первого, о чем есть свидетельства русских историков.

По мнению Н. И. Кареева (1985; см. также: 1995; 1996), русская социологическая литература возникла в период передовой журнали-

стики, а первые социологи, или писатели по социологии, как называет их Кареев, отталкивались от психологической и нравственно-этической проблематики. И лишь позже, в середине последнего десятилетия XIX в., когда на смену «первопроходцам российской социологии» (П. Л. Лавров, Н. И. Михайловский, С. Н. Южаков) пришло новое поколение, ориентировавшееся, с одной стороны, на ценности позитивного метода в науке, с другой – на теоретические принципы экономического материализма, наметился переход от субъективного метода к объективному. С этого времени начинает формироваться та научная школа, которую позже отнесут к родоначальникам экономической социологии в России. Не последнее место среди них занимает экономист и социолог, народник В. П. Воронцов.

Возникновение мысли о необходимости социологии как науки, опирающейся на изучение естественно-исторических законов, управляющих развитием общества, а не субъективных установок и проявлений коллективной психологии, стало значительным шагом вперед. Выяснилась простая вещь: социология и по стилю мышления, и по предмету, и по объекту исследования ближе к «абстрактным общественным наукам», то есть к истории, правоведению и экономике, «поскольку поставила своей задачей исследовать природу общества вообще подобно тому, как эти теоретические дисциплины изучали государство, право, народное хозяйство тоже вообще... Таким образом, политика, юриспруденция, политическая экономия как теоретические дисциплины ближе стояли к социологии по своим отвлеченным задачам, а историческая наука – ближе по своему объекту» (Кареев 1996: 181).

Историк Н. П. Павлов-Сильванский в книге «Феодализм в России», написанной в конце XIX в., так аргументирует то, почему В. С. Соловьев строит свою философию истории «социологически: он исходит из общих законов развития разных народов, изучает русское развитие сравнительно с западным, выясняя средства и условия развития», то есть географический и «интеллектуальный» факторы (Павлов-Сильванский 1988: 12–13). Далее он обсуждает «социологию Бокля» в связи с анализом эволюции социально-классовой и слоевой структуры феодального общества, миграции

больших масс людей, формированием зачатков городской структуры и всевозможных форм экономической зависимости оседлого населения, а в заключении приходит к выводу о том, что «русская история вообще подчинена действию тех же всеобщих законов, как и история Запада» (Павлов-Сильванский 1988: 20).

Среди оказавших особое влияние на формирование «социологической теории русского исторического развития» Павлов-Сильванский выделяет также П. Н. Милюкова и В. О. Ключевского. Последнего он считает «старомодным» социологом, хотя и признается, что понимание Ключевским общественных отношений как политических и экономических сближает его с марксистской социологией (Там же: 640–641). С полным основанием социологами можно назвать и других представителей русской государственной школы, в частности Б. Н. Чичерина. И совершенно неважно, использовали они или нет для квалификации своих взглядов термин «социология» и формировались ли они под непосредственным влиянием О. Конта (хотя известно, насколько широко было знакомо с идеями французского социолога русское общество того времени). Так, А. С. Лаппо-Данилевский, который известен нам как историк русской промышленности, профессионально и глубоко занимался также историей социологии. Перу этого неокантианца принадлежат «самые серьезные работы нового периода, не потерявшие информационного значения до сих пор» (Голосенко 1982: 150).

К социологам относят М. Н. Туган-Барановского, философское развитие которого пролегалось от Конта через позитивизм Конта к неокантианству. В область истории русской промышленности и эволюции капитализма Туган-Барановский внес исключительный, может быть, до сих пор еще полностью не оцененный, научный вклад. Несомненно, к социологам надо причислить и А. А. Богданова, также занимавшегося историей промышленности и развитием капитализма, организацией труда и социальной активностью рабочего класса еще до революции 1917 г.

Не меньшие заслуги в разработке социологии труда имеет И. Г. Струмилин. Вряд ли кто-то станет возражать, что он является экономическим социологом в подлинном смысле слова. Его исследования экономической истории России и СССР имеют фундамен-

тальное значение. К исследователям истории промышленного труда в России следует отнести В. В. Берви-Флеровского и К. А. Пажитнова. В их работах, имеющих одинаковое заглавие «Положение рабочего класса в России» и вышедших в свет соответственно в 1869 и 1906 гг., дается глубокий историко-социологический анализ социальных проблем труда и экономики. Сходная проблематика, но с акцентом на профессионально-квалификационную структуру населения, раскрывается и в произведениях С. И. Солнцева. Среди исследователей, занимавшихся историко-социологическими и конкретно-социальными вопросами промышленности, необходимо назвать Е. М. Дементьева, В. В. Святловского, И. А. Поплавского и некоторых других.

Самостоятельным направлением в осмыслении социально-экономической проблематики дореволюционной России следует считать *народническую социологию*. Одним из видных ее представителей являлся В. П. Воронцов (1847–1918 гг.). У него есть две книги с почти одинаковым названием: «Судьбы капитализма в России» (1882 г.) и «Судьба капиталистической России» (1907 г.). Между ними не только 25 лет разницы, за которые страна успела далеко продвинуться по капиталистическому пути и пережить несколько экономических кризисов, глубокие социальные потрясения и революцию 1905 г. Небольшие различия в названии имеют существенное значение. В первой книге речь идет о капитализме в России, во второй – о самой стране, избравшей «гибельный» для себя путь. В первом случае это множественные «судьбы», во втором – единственная: у капитализма может быть несколько сценариев-судеб, но у страны возможна только одна судьба. Во второй книге о капитализме в России говорится, как можно было бы говорить, скажем, о феодализме или первобытном строе. А в первой – как о чем-то, что привнесено извне: «капитализм в». В. П. Воронцов пишет о том, что Россия бесповоротно встала на путь капитализма, она с ним срослась, он стал неотъемлемой частью жизни огромной страны. Но какова цена избранного пути и каковы последствия такого выбора?

После отмены крепостного права в 1861 г. перед Россией реально «замаячили» перспективы капиталистического развития. До

той поры вопрос о капитализме решался скорее в плоскости теоретической перспективы. Однако в последней трети XIX в. он стал интересовать русскую общественность как глубоко практическая проблема. К чему приведет капитализм в России, какие формы – цивилизованные или варварские – он примет у нас, готова ли страна принять новый общественный строй? На эти и многие другие вопросы представители разных идейных течений в русской социальной мысли давали непохожие ответы. Два ведущих теоретика «классических народников», а именно В. П. Воронцов и Н. Ф. Даниельсон, создали концепцию некапиталистического (неподражательного) пути развития России. Почти все работы В. П. Воронцова, за небольшими исключениями, посвящены вопросам русского народного хозяйства и в частности крестьянскому земледелию, мелким кустарным промыслам и условиям развития капитализма в России.

С начала 1880-х гг., пишет видный польский историк А. Валицкий (2003), первые русские марксисты, представленные организацией «Освобождение труда» – группой Плеханова, – стали защищать капиталистический прогресс в качестве необходимого этапа эволюции и вступили в жаркую полемику с народниками. Еще позднее, в 1890-е гг., в полемику включились, с одной стороны, так называемые «легальные народники», а с другой – «легальные марксисты». Произведения молодого В. И. Ленина дополнили полемику новым измерением, но Ленин выступил против народнической идеи «перепрыгивания» через фазу капиталистического развития, не говоря уже о вере народников в социалистические возможности сельской общины. Таким образом, все русские марксисты единодушно отвергали народничество.

Сегодня проект народников иногда называют «общинно-государственным социализмом». Народники положительно относились к традиционным для России экономическим институтам, таким как артель и община, и с подозрением оценивали последствия развития новых форм хозяйствования, связанных с рынком, банками, монополиями. Важнейшим понятием в концепции «неподражательного» пути развития было народное производство,

представленное крестьянским трудовым хозяйством и мелкими ремесленниками.

Вхождение России в капитализм происходило во второй половине XIX в. гораздо более медленно и мучительно, чем у Западной Европы столетием или двумя ранее. Россия даже в конце 1850-х гг. была одной из наименее индустриализованных стран Европы. Несмотря на это, эксплуатация и нищета давно уже стали привычными чертами социальной жизни, где основными жертвами оказались крестьяне, свободные и крепостные, вместе составлявшие девять десятых населения. Рабочий пролетариат уже сформировался, но к середине века не превышал 2–3 % от общей численности населения. Поэтому под угнетенными массами подразумевали в основном земледельцев, составлявших низший слой общества, в подавляющем большинстве своем – государственных или помещичьих крестьян.

Идея «творческого бессилия русского капитализма», пишет о В. П. Воронцове автор биографического очерка в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона А. Кауфман (также один из выдающихся представителей отечественной школы экономической социологии), красной нитью проходит через всю его научно-литературную деятельность. Условия для раннего и запоздалого развития капитализма, полагает В. П. Воронцов, никогда не бывают одинаковыми. То, что имели Англия, Испания или Голландия, а именно заморские колонии, богатства которых они беззастенчиво грабили, не имеет Россия. Как писал Воронцов в книге «От семидесятых годов к девяностым» (Воронцов 1907; 2008), капитализм освоил лишь небольшой отросток русской действительности. Общественность ожидала, что он повысит производительность национального труда, а он выделил себе уголок и не выходит из него, оставив десятки миллионов трудящихся на произвол судьбы. Все надеялись, что, имея за собой опыт всех цивилизованных стран, собравший тысячелетней историей Европы, капитализм познакомит Россию с благами цивилизации, но вместо этого он поставил своих рабочих в такие гигиенические условия, каким не позавидует крестьянин, оставшийся в стороне от его «цивилизующего влияния».

Последнее двадцатилетие XIX в. показало всем, что капитализм не годится в руководители русской культуры.

Развитие капитализма в России не привело к тем последствиям, какие оно вызвало в Западной Европе. В частности, вместо того, чтобы создать мощный рабочий класс, русский капитализм сформировал лишь жалкую прослойку пауперов: «...водворение капитализма в России не сопровождается созданием в сколько-нибудь значительных размерах класса, способного сделаться его естественным преемником» (Кравченко 2014: 328–337).

Но если, по К. Марксу, преемником капитализма должен быть социализм, то, по этой логике, в России не сформировались объективные условия для победы социализма. Собственно, так рассуждал и В. И. Ленин. Однако перед Октябрьской революцией он изменил свое мнение на противоположное, дабы убедить революционные массы в том, что страна созрела для социалистической революции. Но вот она произошла, и тут же Ленин вновь меняет позицию, вернувшись к дореволюционным представлениям: Россия – отсталая капиталистическая страна, для социализма она не созрела, но если терпеть, пока она созреет, то большевикам придется ждать слишком долго и они упустят исторический момент. Таким образом, степень зрелости капитализма в России определялась большевиками в зависимости от текущих политических задач. Но перед народниками такой задачи не стояло, ибо они, по крайней мере В. П. Воронцов, не призывали ни к какой революции, а потому могли объективно оценить положение дел в стране.

Не только Россия, но и многие другие страны встали на путь капиталистического развития при неблагоприятных условиях. Следовательно, во-первых, они не смогут добиться тех же успехов, что и передовые страны, во-вторых, «хозяйственное развитие по типу, указанному Западной Европой, есть процесс общий» и универсальный для всех стран. По мнению В. П. Воронцова, капиталистическое производство – лишь одна из форм промышленного прогресса, но не его сущность, а своеобразие социально-экономического развития России объясняется наличием прочной связи крестьянина с землей, распространением общинного землевладения, активной ролью мелкого кустарного производства и артельного уклада в про-

мышленности. В качестве эмпирического подтверждения своим суждениям им привлекались статистические данные по крупной фабричной промышленности. В. П. Воронцов ревностно защищал кустарную промышленность, которая, согласно его убеждениям, помогала упрочить связь человека с землей, препятствовала превращению его в наемного работника. Он полагал, что единственной силой, на которую могла рассчитывать страна в будущем, были «мелкие самостоятельные производители» (ремесленники) и «культурное общество» (интеллигенция). Рабочий класс и буржуазия в России представлялись ему еще слишком слабыми, а крестьянство – неорганизованным, неграмотным и пассивным (Воронцов 1907).

Концепция некапиталистического развития России привела народников к другому важному открытию, которым вскоре не замедлили воспользоваться большевики. Именно народники первыми высказали мысль о неравномерности развития мирового капитализма, которая позже, теоретически переработанная В. И. Лениным в учение о социалистической революции, стала краеугольным камнем русского марксизма. Творческим вкладом Ленина в учение народников явился вывод о том, что Россия не отстает, как утверждали народники, а опережает западноевропейские страны в развитии капитализма и уже перескочила на следующую и более высокую ступень – фазу монополистического капитализма. Отсюда следовал вывод, что России не стоит ждать «революционных бурь» в Европе, а надо совершать революцию и строить социализм в отдельно взятой стране.

В. П. Воронцов рисует три сценария, по которым может проходить развитие стран, серьезно отставших в экономическом развитии от капиталистических лидеров (Там же). Первый вариант: страны, позднее вступившие на путь промышленного развития, должны вечно оставаться на низшей, ремесленной фазе развития общественного труда. Второй сценарий: процесс обобществления труда может совершиться у них иным, некапиталистическим путем. Третий сценарий: рывок вперед произойдет лишь после того, как в более развитых странах капиталистическое производство закончит полный цикл своего развития и превратится в народное. То,

что В. П. Воронцов подразумевал под народным производством, сегодня мы назвали бы скорее социально ориентированной рыночной экономикой в ее противопоставлении тому «социалистическому производству», каким оно было в Советском Союзе.

Сегодня принципы социальной рыночной экономики – это:

- 1) создание юридических гарантий личных прав и свобод граждан;
- 2) обеспечение приоритетного стремления человека к приумножению личного благосостояния своим трудом;
- 3) создание системы сильной социальной защиты;
- 4) развитие конкурентной среды и противодействие недобросовестной деятельности на рынке;
- 5) равное и единое отношение ко всем формам собственности;
- 6) создание равных благоприятных условий жизнедеятельности населения на всей территории страны;
- 7) рациональное вмешательство государства в экономические процессы;
- 8) самоуправление трудовых коллективов;
- 9) устойчивые темпы бескризисного экономического роста;
- 10) всеобщая доступность образования и медицинского обслуживания, социального обеспечения;
- 11) достижение экономической безопасности страны посредством системы защиты национальных интересов.

Такая экономика не противоречит общечеловеческой морали и принципам социальной справедливости, направлена на реализацию общественных интересов, смягчение безработицы, социального и имущественного расслоения населения. Экономической основой социально ориентированной экономики устойчивого развития служит многообразие форм собственности. В странах Запада отнюдь не редкость предприятия, находящиеся в собственности их работников. В США, например, на них приходится приблизительно 10 % занятых. Обществом смешанного типа собственности на средства производства является Израиль. Здесь существуют три хозяйственных сектора: государственный, на который приходится 21,5 % ВВП, профсоюзный (предприятия Гистадрута) – 20,3 % и частный – 58,2 % ВВП. Доля государства в общей сумме внутренних инвестиций превышает 50 %. Некоторые западные авторы изображают израильские сельскохозяйственные поселения – кибуцы – как нечто вроде совхозов, где нет частной собственности, нет денег, где все едят вместе, воспитывают детей коллективно.

По всей видимости, В. П. Воронцов ратовал не за чистый тип экономики – капиталистический или социалистический, рыночный или плановый, – а именно за социально ориентированную, так называемую смешанную экономику (*mixed economy*). Отдельные положения теории смешанной экономики были выдвинуты еще в конце XIX в. А. Шеффле и А. Вагнером, как цельная теория она была разработана в 1920-х гг. В. Зомбартом, а затем развивалась усилиями С. Чейза, А. Хансена, Дж. М. Кларка и П. Самуэльсона. В 1991 г. сессия Совета взаимодействия, в которой участвовали бывшие главы государств и правительств – Г. Шмидт, В. Жискард д'Эстэн, Т. Фокуда, Дж. Каллагэн, П. Трюдо и др., – признала, что сегодня в мире нет чисто рыночной экономики, основанной на частной собственности. В большинстве стран существует смешанная система со значительным государственным сектором. По мнению американского теоретика М. Харрингтона, преобразования в плане «нового социализма» на Западе будут сопровождаться «периодическими структурными кризисами капитализма». Социальная ориентация экономики предполагает строгую регламентацию государственного регулирования, соответствие его общественным интересам, а не интересам крупных монополий, бюрократии, политических партий или мафиозных группировок. Она требует перераспределения доходов в целях оказания социальных услуг населению, предоставления ему существенных социальных гарантий.

Противники народников сходились между собой в отрицании самобытности цивилизационного пути России и вытекающих из этого особенностей ее хозяйственного строя. Легальный марксист П. Б. Струве утверждал, что капитализм есть «единственно возможная» форма развития для России, и весь ее старый хозяйственный строй, ядром которого было общинное землепользование крестьян, есть лишь продукт отсталости. Другой видный представитель этого направления М. И. Туган-Барановский признавал недостатки капитализма в России, даже указывал на его искусственный, контролируемый правительством характер развития. Тем не менее он считал, что страна должна «переболеть» капитализмом, как бы трудно ей ни было на этом пути. В своей книге «Основы политической экономии» (1915) М. И. Туган-Барановский признавал, что

при крепостном праве «русский социальный строй существенно отличался от западноевропейского», но с ликвидацией крепостного права «самое существенное отличие нашего хозяйственного строя от строя Запада исчезнет».

Отечественная традиция историко-социологического изучения вопросов промышленности, труда и экономики оказывается самым тесным образом связанной с осмыслением истории русского общества, зарождением и созревaniem общественно-экономических формаций, прежде всего феодализма и капитализма, их влиянием на характер и содержание труда. Когда сторонники русской государственной школы анализировали явления сквозь призму социально-классовой структуры общества и миграции населения, изменение образа жизни городского и сельского населения, они придерживались социологической точки зрения. Точно так же историки русской промышленности (М. И. Туган-Барановский, К. Ф. Пажитнов и др.) оставались на социологических позициях, когда исследовали историю отдельных предприятий и отраслей, промышленного предпринимательства и кредита, индустриальную революцию, технологию производства, развитие сельского хозяйства, денежного обращения, внешней и внутренней торговли, демографические сдвиги, формирование рынка рабочей силы, рост производительности труда, материальное положение населения, образ жизни людей и социальную структуру общества.

Между тем в середине XIX в. русские историки «относились скептически или отрицательно к социологии как особой от истории науке», – пишет Н. И. Кареев (цит. по: Розалиев 1987). Историки просто не отличали социологию от того, что они сами изучали. Похожая ситуация наблюдалась 100 лет спустя, в середине XX в., когда социологии не давали статус самостоятельной науки уже не историки, а философы. Во времена Кареева историки ограничивались конкретными фактами и редко поднимались до общесоциологических обобщений. Сам Кареев, усвоивший понятие социологии как науки исторической, не сразу пришел к признанию того, что «между конкретной историей и абстрактной социологией может существовать ряд переходных ступеней в порядке убывающей эмпиричности...» (Кареев 1985: 183). В этот переходный ряд Кареев вклю-

чает «эмпирическую социологию» М. Вебера, которая, между прочим, соединяла в себе экономическую историю, культурологию, историческую социологию и социологию труда, о чем не упоминает русский историк. Последняя опиралась на данные эмпирических исследований, проведенных М. Вебером на промышленных предприятиях. У Н. И. Кареева были все основания называть социологию Вебера эмпирической.

И в других странах историки усматривали в социологии конкурента, способного заменить историческую науку. Тесная связь истории и социологии в то время ни у кого не вызывала сомнений. Не менее тесная связь существовала между экономикой и социологией. «Именно социологический аспект помогал русским экономистам, – возражает на замечание Кареева о будто бы отсутствии влияния социологии на экономистов А. И. Голосенко, – сделать интересные теоретические разработки. Упомянем только некоторые: книгу С. Солнцева о классах, попытки Р. Орженецкого связать трактовку социальных (и экономических) явлений с ценностями, а Н. Первунина – создать теорию “массивного” пьянства в связи с общей теорией потребностей» (Голосенко 1982: 150).

Социология и экономика возникли и формировались в качестве экспликативных наук. Иными словами, один и тот же предмет исследования – народное хозяйство – они изучали как совокупность фактических отношений, существующих в данном обществе. Поэтому социология не могла дать экономистам ничего нового. Задачи и методы социологии (тогда считавшейся новой научной дисциплиной) и экономики (ее Кареев называет «старой политической экономией») «были в общем одни и те же, и вся разница заключалась в том, что в политической экономии изучалась только одна, искусственно изолированная сторона общественного бытия, между тем как социология задалась всесторонним изучением общественных явлений в их взаимодействии» (Кареев 1985: 182).

Слабое влияние социологов на русских экономистов объясняется тем, что экономисты задолго до социологов пользовались статистикой, анкетными опросами, различного рода обследованиями на предприятиях. Даже в России, стране, по замечанию многих специалистов тех лет, со слабо поставленной статистической базой,

первый анкетный опрос фабрикантов и заводчиков был проведен комиссией о коммерции еще в 1760 г. (Любомиров 1947: 22). Да и в теоретическом плане социологи мало чем могли удивить экономистов, которые нередко изучали народное хозяйство и развитие промышленности в тесной взаимосвязи экономических, социальных и исторических аспектов. Подобным синтезом русская научная мысль во многом обязана К. Марксу, учение которого прочно вошло в отечественную социологию в середине 1890-х гг. С этого момента, собственно говоря, и начинается отсчет нового этапа в ее развитии (Кареев 1985: 181). Центр внимания отныне переносится из сферы субъективных переживаний людей на анализ объективных условий их существования, психология противопоставляется экономике, материализм – идеализму. Экономическое обоснование социологии, начавшееся, по мнению Н. И. Кареева, еще с Н. Г. Чернышевского, окончательно укрепилось после проникновения в Россию марксизма. Одновременно марксизм послужил тем фундаментом, на котором произошло сближение, а затем и укрепление связи историков и социологов (Там же: 181, 183).

Учение Маркса заставило русских социологов внимательнее отнестись к связи между социологией, историей и экономикой, то есть теми научными дисциплинами, объединяющей платформой для которых выступало изучение общества и общественного труда. Однако не следует преувеличивать роль и значение Маркса для развития отечественной социологии труда и экономической социологии. Методологической базой, и не менее успешной, мог служить позитивизм. Известно, что в англо-американской традиции особенно сильна ориентация на позитивистски-прагматическую методологию. В странах Западной Европы и в США в XIX и XX вв. появились десятки фундаментальных исследований по истории промышленного труда и экономике капитализма, где социологические аспекты были неразрывно переплетены с экономическими и историческими. В «Теории праздного класса» Т. Веблена эволюция экономических институтов анализировалась сквозь призму изменения привычек, обычаев и набора социальных ролей. В 1911 г. в десяти томах была издана «Документированная история промышленного общества» Дж. Р. Коммонса, а чуть позже опубликована «Ис-

тория рабочего класса в США», где рассматривались история капитализма, рабочего класса и условия труда в тесной связи с изучением человеческого поведения, взаимодействия социальных и профессиональных групп населения. Позже идеи экономической социологии развивали Дж. Эндрюс, У. Самнер, У. Митчелл, Й. Шумпетер и др.

Дореволюционная социология в России была академически спокойна и политически нейтральна. П. А. Сорокин, М. М. Ковалевский, Н. К. Михайловский и другие занимались вопросами социального познания, строения общества, выяснением законов изменения социальной реальности и практически не касались острых социальных проблем. Вот почему (а может быть, и не только поэтому) социологию в царской России хотя и не приветствовали (отмечались отдельные случаи нелюбезных высказываний в ее адрес и гонений социологов), но на государственном уровне не запрещали. Отсутствие массовой подготовки социологов объясняется общим отставанием университетского образования в стране.

Но после революции 1917 г. видных социологов высылают за границу либо сажают в лагеря, а саму социологию объявляют буржуазной наукой. В вузах вместо нее начинают преподавать исторический материализм – теоретическую основу марксистского учения об обществе и экономике, а позже, уже в 1960–1970-е гг., научный коммунизм – откровенно идеологическую доктрину построения утопического общества всеобщего равенства и справедливости. Социологи проводят исследования не для того, чтобы дать реальное изображение общества (о коммунальном аде, лагерной жизни, колхозной уравниловке, укрупнении деревень, очередях за дефицитными продуктами, духовном обнищании, дешевой рабочей силе, скрытой безработице), а с целью приукрасить положение дел и доказать населению, что страна неуклонно движется по пути к коммунизму. Постепенно формируется концепция развитого социализма, призванная объяснить, почему победа коммунизма в СССР так и не произошла, уничтожение классового общества не осуществилось, а в стране сформировалась стагнирующая экономика. Догнать и перегнать передовые капиталистические страны, как мечтало первое поколение большевиков, не удалось. Зато по-

путно удалось многое другое: сблизить город и деревню, уравнивать квалифицированный труд с неквалифицированным, воспроизводить рабочий класс на собственной основе, усовершенствовать материально-техническую базу общественного производства.

После распада СССР в 1991 г. произошла полная и окончательная либерализация социологии. Было разрешено говорить всем и обо всем. «Разрешительная» демократия выплеснула на страницы социологических журналов и монографий копившийся десятилетиями гнев ученых против цензуры, советской власти и социалистического образа жизни. Задним числом развернулась критика советского периода жизни, доходившая до явного очернительства и подтасовки фактов. Социологи как бы оправдывались за вынужденное молчание и вынужденный же компромисс с властями. Теперь они стремились заслужить одобрение новых либеральных властей. Откровенное заигрывание с Западом, публикация трудов западноевропейской и американской социологической классики, многочисленные командировки и обучение молодежи за рубежом, иностранные исследовательские гранты привели к вымыванию национального наследия и национальных ценностей из сознания нового поколения социологов. Все западное поощрялось, все национальное критиковалось. Теоретическое наследие дореволюционной экономической социологии, которое и при советской власти мало изучалось, казалось бы, окончательно было предано забвению.

Именно в это время, то есть в начале XXI в., в Китае, Индии, Бразилии, арабских странах набирают силу критика западных стандартов мышления и поиск самобытного пути развития социологической мысли. Здесь появляется поколение даровитых социологов, предлагающих собственные концепции и модели общества, которые получают признание и в западных университетах. Социологов из этих регионов мира публикуют ведущие европейские и американские журналы, с ними проводят совместные исследовательские проекты, они занимают руководящие посты в международных ассоциациях и на форумах. Российских социологов мало кто знает и мало кто с ними считается. Ничего оригинального они предложить мировому сообществу не могут.

И это тем более обидно, что Россия в XIX – начале XX в. числилась среди передовых социологических держав. Ведущих ученых – П. Сорокина, М. Ковалевского, С. Булгакова, М. И. Туган-Барановского и многих других – не только знали в Европе и Америке, их труды цитировали, с ними дискутировали, с их авторитетом считались. Возможно, что объяснение следует искать в той роли, какую социология играла в разные периоды истории нашей страны, и с учетом того видного места, какое она занимала в общественном сознании. До революции 1917 г. она, что называется, не прогибалась под властями, была независимой академической наукой. Социологами становились или позиционировали себя в качестве таковых лучшие историки, экономисты, правоведы. Для них считаться социологом в известной степени было честью.

В хрущевскую оттепель 1960-х гг. в социологию тоже шли экономисты, философы, историки, но от невозможности выразить себя в своих науках. Им казалось, что эзоповым языком бесстрашной статистики можно выразить хоть частичку правды о том обществе, в котором они жили. Однако наряду с ними в социологию пришли сотни партийных агитаторов, вышедших на пенсию секретарей компартии и просто случайных людей.

Вслед за «золотым веком» в развитии отечественной социологии наступил «бронзовый век». Ушел в прошлое ее «серебряный век» – бунташные и противоречивые 1920-е гг., когда давали свободу слова, образовывались кафедры социологии, издавались интересные книги и проводились научные исследования (пусть и непродолжительное время), а одновременно в прессе травили буржуазных социологов, расформировывали научные коллективы, готовили новую поросль социологов партийных. Именно тогда – в том «серебряном веке» – сформировалась христианская социология С. Н. Булгакова, проводились масштабные бюджетные исследования, создавалась оригинальная аграрная теория А. В. Чаянова, писались социально-экономические работы Н. Д. Кондратьева, поражала западных менеджеров прикладная социология А. К. Гастева.

Сегодня, с начала XXI в., можно наблюдать определенные черты социологического ренессанса. Выходят очень серьезные научные статьи и монографии по самым разным проблемам, в том числе

экономической социологии. В Интернете можно встретить сайты, где воспроизведены дореволюционные произведения. В качестве примера можно привести сайт «Gbooks» (книги по истории, археологии, географии, этнографии, филологии, лингвистике, генеалогии, философии, изданные преимущественно до 1917 г. URL: <http://gbooks.archeologia.ru>). В серии книг «Социальная мысль России» опубликованы произведения С. И. Солнцева, три тома В. П. Воронцова, С. Н. Булгакова, С. Н. Южакова и ряда других. Избранные сочинения классиков экономической социологии и социологии труда второй половины XXI – начала XX в. изданы в двух антологиях (Кравченко 2000; 2001). Отметим также посвященные историческому анализу отечественной экономической социологии монографии (Веселов 1995; Кравченко 2010).

Литература

Валицкий, А. 2003. Русский социализм и народничество (часть 1). *Альманах «Восток»* 9/10. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_175.htm.

Веселов, Ю. В. 1995. *Экономическая социология: История идей*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Воронцов, В. П.

1907. *От семидесятых годов к девяностым*: сб. ст. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная Польза».

2008. *Интеллигенция и культура: избранные сочинения*. М.: Астрель.

Голосенко, И. А. 1982. Исторические судьбы идей Огюста Конта: трансформация позитивизма в русской социологии XIX–XX веков. *Социологические исследования* 4: 146–152.

Кажанов, О. А. 2014. Евгений Тарле о гранях соприкосновения академической социологии и социологической публицистики (на примере творчества Н. К. Михайловского). *История и современность* 1: 16–33.

Кареев, Н. И.

1985. Основы русской социологии. *Социологические исследования* 3: 179–183.

1995. Основы русской социологии. *Социологические исследования* 8: 122–129.

1996. *Основы русской социологии*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Кравченко, А. И.

2000 (ред.). *Антология социально-экономической мысли в России. До-революционный период*. СПб.: Изд-во РХГИ.

2001 (ред.). *Антология социально-экономической мысли в России. 20–30-е годы XX века*. М.: Academia.

2010. *История социально-экономической мысли в России*. М.: Академический Проект.

2014. *История социологии: учебник и практикум для академического бакалавриата*: в 2 т. М.: Юрайт.

Любомиров, П. Г. 1947. *Очерки по истории русской промышленности: XVII, XVIII и начало XIX века*. М.: Госполитиздат.

Павлов-Сильванский, Н. П. 1988. *Феодализм в России*. М.: Наука.

Розалиев, Ю. Н. (отв. ред.) 1987. *Экономическая история. Проблемы и исследования*. М.: Наука.

Туган-Барановский, М. И. 1915. *Основы политической экономии*. Пг.: Издание Юридического книжного склада «Право». URL: <http://www.ergojournal.ru/?p=1416>.